Р. П. Кузьмина

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ

В данной статье рассматривается соматический код культуры, являющийся одним из ключевых и универсальных кодов в лингвокультуре эвенов, отражающий восприятие мира эвенского этноса. Материалом исследования послужили изданные двуязычные словари, фольклорные и художественные произведения эвенов, также в статье использованы полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиционных поездок в места компактного проживания эвенов. Выявлена специфика вербализации кодового содержания сомонимов в эвенских поговорках и фразеологических выражениях. Определены семантические особенности метафор с компонентами — соматизмами в эвенской языковой картине мира. Анатомическая лексика, участвующая в создании переносных значений, ассоциаций и обладающая символическими функциями, отображает архетипические воззрения и ментальность народа. Соматизмы нашли отражение в пространственной лексике, ландшафтной лексике, в обрядовой культуре, в идиомах, в метафорах, в пословицах и поговорках эвенов. В эвенской лингвокультуре сакральность некоторых частей тела отразилось в *төнүэкич* 'запретах-оберегах'. Семантизация и понятийная наполненность соматического кода культуры является универсальной и имеет параллели в картине мира других народов.

Ключевые слов: *эвенский язык, соматический код, лингвокультура, компонент, метафора, фразеологизм.*

Существует немало дефиниций культурного кода. В. А. Маслова и М. В. Пименова отмечают, что «коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений мира и человека — как самого себя, так и других. Лингвокультурные коды обладают национально-культурной спецификой. Они отражают особенности культуры использующего их народа. Всякий носитель национальной культуры и языка с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком» (Маслова, Пименова, 2016: 72).

Согласно В. В. Красных: «Код культуры может быть определен как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют» (Красных, 2002: 5). Она выделяет следующие коды культуры: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный (Красных, 2002: 233).

В. А. Маслова, М. В. Пименова используют другое основание для выделения кодов — по тематической принадлежности ключевого слова языкового выражения, ими выделяется ряд таких кодов культуры, репрезентированных в языке, как космогонический, соматический, пространственный, количественный, временной, предметный, природно-ландшафтный, архитектурный, гастрономический, обонятельный, код одежды, геометрический код (Маслова, 2016: 71).

Исследователи считают, что соматический код культуры является наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира (Красных, 2002: 233).

Для соматического кода ключевыми образами служат наименования внешних и внутренних частей тела и органов человека. По мнению Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой, весь внешний и внутренний атлас тела условно может **быть** представлен в трехчастной композиции — верхняя, срединная и нижняя составляющие человека (Гудков, 2007: 117).

Верхняя часть тела человека в языковой картине мира эвенов вербализуется соматизмами *дил* 'голова', *нюрит* 'волосы', *ити* 'лицо', *ясал* 'глаза', *корат* 'уши', *оңат* 'нос', *енүэ* 'язык', *амуа* 'рот'.

Точкой телесного верха является *дил* 'голова'. Используемые в говорах эвенов Якутии фразеологизмы с компонентом *дил* сочетаются с пространственным кодом, голова мыслится как пространство, например: лам. *диллай д'аваттай* 'помнить' (досл.: в голове держать); *диллай хиндай* 'запомнить' (досл.: в голову засунуть), *дилдукув н'өчэ* 'забыть' (досл.: из головы вышло).

Примеры: *Хи ями тала дыли хиняни, Тормита?* (Кривошапкин, 2018: 157). 'Ты почему туда голову суешь, Тормита?' (Перевод автора); *Дыллан ну-гэл голач этчэмдэсэн одни* (Кривошапкин, 2018: 197). 'Как будто кто-то по голове ударил палкой' (Перевод автора).

Сомоним *дил* 'голова' может выступать показателем ума, например, лексема *дилалкан* употребляется в значении 'умный, толковый; мудрый' (досл.: имеющий голову). Данная лексема образована от слова *дил* путем присоединения форманта *-лкан*, оформляющего существительные со значением обладания чем-либо.

Большинство фразеологизмов, зафиксированных в ламунхинском говоре эвенского языка, имеют параллели в эвенкийском языке: эвенк. *дилдүй д'авамй* 'помнить, думать, обидеться' (досл.: в голове своей держать, в голову свою захватить) (Варламова, 1986: 17).

В эвенской лингвокультуре волосы являются воплощением жизни и силы человека, а также являются его защитой. С соматическим компонентом *нюрит* 'волосы' используются фразеологизмы и образные выражения для описания этических оценок, с помощью которых человек выражает свое отношение к поступкам других людей, например, о чрезмерно болтливом человеке — *Нюрит хопкандулан 'дюпти нюрит хечэ (төрэлкэн бэй)*. 'Из корней волос вторые волосы выросли (человек-болтун, трепло)' (Бурыкин, 2001: 186).

Волосы мыслятся как сети. О женщине с детьми от разных мужей существует устойчивое выражение *Нюритчи хуркатча (хөнтэкигэн бэйдук хутэлкэн)*. 'Волосами как петлями ловила (о женщине с детьми от разных мужей)' (Бурыкин, 2001: 182).

Чтобы предостеречь человека от зависти других употребляется устойчивое выражение: *Киримкий эдэй далгатта, нюритэс бодаралдин (эди эемкэттэ)*. 'Не опаливай ресниц, а то волосы на голове обгорят (не давай завидовать)' (Бурыкин, 2001: 184).

Потеря волос на голове символизирует бедность. Чтобы не обидеть обедневшего человека прямой оценкой его положения, в эвенском языке используется фразеологизм: *Дылан кабата оча (дөгри бэй)*. 'Голова у него плешивая стала (бедный человек)' (Бурыкин, 2001: 186).

В мировоззрении эвенков и эвенов считается, что в волосах человека заключена его сила и, нарушив определенные запреты, человек лишается дарованной ему природой силы: он становится слабее в борьбе с жизненными трудностями. Г. М. Василевич пишет: «Эвенки верили в особую силу волос. Они могли быть временным местом для души, поэтому считались заместителем человека. Линденау наблюдал в XVIII в., как у удских эвенков муж укладывал срезанную прядь своих волос подмышку покойной жены при похоронах, а жена делала то же, кладя свою прядь на грудь покойного мужа, веря в то, что благодаря этому они не расстанутся в мире мертвых. Один из способов лечения также был связан с волосами: шаман, срезая прядь волос у больного, сжигал ее и давал ему понюхать. К. Рычков наблюдал, как во время эпидемии срезали пряди волос и давали шаману на хранение» (Василевич, 1969: 224).

К волосам у разных народов было особое отношение. В «Славянских древностях» Н. И. Толстой: «Волосы — в народных представлениях средоточие жизненных сил человека. В магии, отрезанные В. (как и ногти, пот, слюна и др.) воспринимались как заместитель (двойник) человека. Нередко отрезанные В. хранили, а затем клали в гроб, чтобы «на том свете дать отчет за каждый волос» (в.-слав.) Словенцы верили, что с В. и бородой можно от-

нять у человека силу и здоровье, а манипулируя В., даже сделать старика молодым и, наоборот, обратить молодого в старика (Гореньско)» (Толстой, 1995: 420).

Согласно запретам, функционирующим у эвенов, нельзя было давать стричь свои волосы человеку, не имеющему счастья в личной жизни. Также нельзя было мужу остригать волосы жены, так как это может навлечь на семью раздор. В древности у эвенов существовал запрет, по которому нельзя было женщине показывать свои волосы мужу дочери или мужу младшей сестры. Запрещалось также обрезать волосы ребенку до исполнения ему 1 года. Состриженные волосы обязательно сжигались. Сжигание волос встречается и в культуре русского народа. Считается, что бросание волос в огонь — своего рода жертва домовому (Маслова, 2010: 134).

Примеры: *Мэн н'урити этэнни ухра — һинимкин. Ат неһла од'инни*. 'Нельзя стричь себе волосы — грех. Станешь несчастливый'; *Этикэндий н'урити эд'и уһукан — һинимкин. Ат неһла о'диһна*. 'Нельзя давать стричь волосы мужу — грех. Несчастливым станешь'; *Өтэрэп атикал матактур н'урутур-дэ өстө ичукэнэр — эр төнкэ, һин'ин*. 'В старину пожилые женщины своему зятю ни волосы, ни другие части тела не показывали — это уважение и еще грех' [ПМА]; *Нюритур экич улэр — төнүэкич, тог дявуттан дурутми тогла ай, нюритур-дэ гэлэтэдилдик*. 'Волосы нельзя бросать — грешно, пусть огонь держит их у себя, их надо сжигать на огне, а то человек потом свои волосы искать начнет' (Бурыкин, 2001: 208).

В эвенском языке соматизм лицо репрезентируется лексемой *ити* 'лицо' и тотемным наименованием *дэрэ*. Сомоним лицо находит отражение в ландшафтной лексике, например: *урэкчэн итин* «склон горы; край скалы, горы (досл.: лицо горы)» и др., например: *Өгэскинюн урэкчэн бакарси итылин ойчидай некрэн* (Кривошапкин, 2018: 171). 'Вознамерился подняться наверх по скользкому склону горы' (Перевод автора).

Синонимом соматизма *ити* 'лицо' в эвенском языке может выступать *бэй* 'человек'. О человеке, не знающем своего родного языка, употребляется устойчивое выражение: *Итыннион эвэмдэс* 'Только лицом (внешностью) похож на эвена' (досл.: лицо только похоже на эвена).

О двуличном, нечестном человеке в говорах используется выражение — *Д'өр итилкан* 'Двуличный (досл. имеющий два лица)' (ПМА).

Расположенные на лице органы слуха, зрения, обоняния, вкуса являются органами вербальной коммуникации.

Одним из компонентов в фразеологических единицах эвенов является сомоним *ясал* 'глаза', являющийся важнейшим информационным каналом, передающим как положительные, так и отрицательные чувства. В эвенском языке человек, распространяющий слухи, является безглазым, слепым, ничего не видящим: *Хэвки ясаллон таңча (бэругэн бэй)*. 'Бог у него глаза вырвал (человек-сплетник)' (Бурыкин, 2001: 182).

О хвастливом человеке применяется фразеологизм — *Гэдэмэклэй ясалалкан, омкатлай — бягандялкан (эннэй эттэ эди хопчар)*. 'Глаза имеющий на затылке, луну имеющий на лбу (если знаешь, что не сумеешь справиться с чем-то, не хвастайся)' (Бурыкин, 2001: 182).

Орган зрения глаз выступает как транслятор чувств человека. Символика глаз часто связана с источником света — *ясалални килэнчэл* 'глаза заблестели'; со знанием — *ясалул хоруддил* 'любопытные, любопытные' (досл.: глазами цепляющие), используется при характеристике человека любознательного, внимательного, любопытного. *Хоруддил* 'любопытные, любопытные' произошло от глагола *хордай* 'попасть, застрять, зацепиться, запутаться'; *йаһали аһача* 'узнать о том, о чем не догадывался ранее' (досл.: глаза (свои) раскрыл). В эвенском языке глаз может ассоциироваться со злостью и яростью: в описании человека в минуту гнева используются метафоры *тогалбуча ясалалкан* 'с горящим взглядом' (досл.: с огненными глазами).

Примеры: *Эвэндулэ-дэ яла бөкэчлэн ясалул хоруддил бэйл биврэр* (Кривошапкин, 2018: 7). 'И у эвенов бывают люди любознательные, примечающие все вокруг' (досл. и у эвенов бывают люди глазами все цепляющие) (Перевод автора); *Тугэниду чамак хурэлни кубэччур көкэвэттэ кэнели бэй ясаллан хорми* (Кривошапкин, 2018: 149). 'Зимой, детеныши тарбаганов все гибнут, если попадают людям на глаза' (Перевод автора); *Тогалбуча ясалалди хигив, урэкчэлбу эрэли мэндэттэн* (Кривошапкин, 2018: 98). 'Горящим взором окинул вокруг стоящие леса, горы' (Перевод автора).

В сознании эвенов окружающий мир наделяется антропоморфными чертами, имеющими глаза, например, в говорах эвенского языка соматизм *яһал* 'глаза' встречается в ландшафтной лексике: *төнүр йаһалан* 'попыньга' (досл. глаза озера).

Важным органом восприятия звуков окружающего мира является ухо 'корат'. В языковой картине мира эвенов фразеологизмы, пословицы, поговорки с компонентом ухо выражают то, что обычно может осуждаться обществом.

О хвастливом человеке: *Мэн корити эди көечисчир (эннэй эттэ эди хопчар)*. 'Не пытайся посмотреть себе на уши (не хвастайся, если не сможешь выполнить обещанное)' (Бурыкин, 2001: 186). Во фразеологизмах может быть выражено предостережение: *Дюптив оивум (хякам) эди тэтуттэ (хояч эди асиунатта)*. 'Не надевай двух серег в одно ухо (не бери много жен)' (Бурыкин, 2001: 184).

Фразеологизмы с соматическими компонентами *оһат* 'нос', *амһа* 'рот', *билга* 'горло', *енүэ* 'язык', *кэбэ-кэвэ* 'челюсти' используются для выражения отрицательного отношения к таким качествам людей, как болтливость, зависть, пустословие и легкомыслие, например, о чрезмерно говорливом, болтливом человеке употребляется устойчивое выражение: *Оһатлин мө эенни; енүэлин дебулинде тутчэ (төрэлкэн бэй)*. 'По носу вода течет, по языку мохнатая сороконожка бегала (говорящий (болтливый) человек)' (Бурыкин, 2001: 186).

О завистливом человеке применяется фразеологизм — *Оһатан эдэмрэн (эчимэгэн бэй)*. 'Нос его ветер обвеваает (о завистливом человеке)' (Бурыкин, 2001: 185).

Язык выступает символом молчания: эвен. *Енүэй нимүэдэй* 'проглотить язык (свой)' — эвенк. *инниви нимүэми* 'опешить, потерять дар речи' (досл.: язык свой проглотить) (Варламова, 1986: 15); *Амһай эди туруттэ — енүэс илудин (хояв эди төрэр)*. 'Не держи открытым рот — язык стоймя встанет (много не говори)' (Бурыкин, 2001: 186).

Соматизм *амһа* 'рот' символизирует обжорство, жадность: *Амһалай хөксив ялав хинютти (билгар бэй)*. 'Во рту горячий уголь держащий (прожорливый человек)' (Бурыкин, 2001: 184). О людях, постоянно просящих, используется устойчивое выражение *Амһавурнюн туруттивур хар*. 'Знают только рот свой открывать (о людях, которые постоянно просят)' [ПМА]. *Амһаван дасча* 'заставить замолчать (досл.: рот заткнуть)' употребляется со значением «сделать так, чтобы человек успокоился». Сомоним рот используется также в ландшафтной лексике: *хотаран амһан* 'там, где начинается дорога (досл. во рту у дороги)'.

В говорах эвенов Якутии отмечается использование в образном значении вербализованного соматизма — *кэбэддэн* 'ругается' от *кэбэ* 'челюсти', например: *Атикаһу эникэн одда кэбэддэн (төрэддэн)* (Кривошапкин, 2018: 156). 'В самом деле, жена сильно ругается' (Кривошапкин, 2007: 121).

Средняя часть тела человека репрезентируется сомонимами *нири* 'спина', *мйр* 'плечо; плечевая кость; головка плечевой кости', *иһики* 'лопатка'. Соматизмы используются в образных выражениях, в поговорках, в обрядовой и ландшафтной лексике, обладают символическими функциями и образным содержанием.

Сомоним *спина* в языковой картине мира эвенов мыслится как часть ландшафта — *нири (екчэн)* 'горный перевал'. Пословица о хвастливом человеке гласит: *Нири (екчэн) чидаван энэтчэ бэйгэчин*. 'Как человек, заглянувший себе за спину (или за горный перевал)' (Бурыкин, 2001: 178).

В обрядовой культуре эвенов соматизмы плечо или плечевая кость копытных животных имели табуированный смысл, с ними связаны некоторые запреты. Эвенка из Верхнеколымского района Якутии Слепцова П. И. рассказывает так: *Тар'ав мут холобур акнилбур ма'дуунутон уйамк'ам-гу, й'ав-гу м'ирр'эн чикирак'ат экич'эл й'ав-да ма'р, экич'эл мамалл'а, экич'эл к'ыайан ма'р окичал уйамкам-да, буй'ум-дэ*. 'Считалось, что если мы будем разрезать добытого старшими братьями или отцом плечи горного барана или другого зверя, то их может покинуть удача и они не смогут добывать никакого зверя' (Кузьмина, Шарина, 2019: 98, 104).

Сомоним плечо наполнен также и символическим смыслом. Устойчивое выражение *мир'элдукун тыкт'эй* 'свалиться с плеч' употребляется в значении 'освободиться от бремени, почувствовать облегчение от освобождения от этого груза'. Пример: *Өрт'элэн, ханиндулан эйду урумкуке одни, мир'элдукун яв-ул ургэ тыкч'эмдэсэн одни* (Кривошапкин, 2018: 11). 'На душе так легко стало, как будто с плеч свалилось что-то тяжелое' (Перевод автора).

В обрядовой практике эвены использовали для гадания лопатки животных *и'ики*. Один из эвенских старейшин Е. Едукин пишет: «У эвенов есть обычай гадать по лопатке оленя. Обычно так ищут пути, куда ушли олени, где есть дикие олени. Для этого обжигают лопатку на огне и смотрят на трещины — они показывают дорогу. Молодым запрещается гадать на лопатке» (Едукин, 1992: 44). У некоторых групп эвенов до недавнего времени практиковалось гадание по грудинке куропатки или по лопаточным костям крупных животных (оленя, горного барана, лося).

Анатомическая лексика в эвенском языке участвует при образовании лексем, обозначающих наименования женских украшений. В эвенском языке с помощью формантов *-пан/-пэн, -рук* образуются наименования предметов, надеваемых на что-либо, и украшений: *билгапан* 'ожерелье, бусы' от *билга* 'горло, шея', которое также используется в значении 'устье реки'; *капкарук, капкарап* 'колье из серебра', *капкарапан* 'ошейник' от *капка* 'гортань; дыхательное горло'.

Соматизмы *һал* 'рука', *һаир* 'палец', *оста* 'ноготь', *ханһа* 'ладонь' служат источниками метафоризации в поговорках, идиомах, в образных выражениях, используются в образовании лексем.

В языковой картине мира эвенов соматизм рука тоже наделяется смысловым содержанием. Руки символизируют поддержку — лам. *тэббэббэттэй* 'поддерживать; прославлять (досл.: носить на руках)': *Тарак бөйөнд'эв эрэгэр тэббэббэттитнэ эһни*. 'Того человека же постоянно поддерживали (досл. носили на руках)'. Рука может быть символом власти — *һаллай д'аваттай* 'держат всех под контролем' (досл.: в руках держать): *Байбалчан ноһмутно ибгот д'аваттин*. 'Байбалчан держал всех в узде' [ПМА].

В говорах эвенского языка от соматизма *һаир* 'палец' образованы следующие наименования одежды и украшений: лит. *һаир* 'перчатки; перчатки мужские из ровдуги'; лам., ск *һаялдо*, н-к *һаир кокалда* 'перчатки'. В поговорках пальцы могут символизировать наличие или отсутствие детей: *Нюһэн хаиралкан оча (аси хөнтэдук хутэлбэчэ)*. 'У нее шесть пальцев стало (женщина, родившая ребенка от другого человека, не от мужа)' (Бурыкин, 2001: 186).

О постоянно просящем человеке используется фразеологическая единица с соматическим компонентом ладонь: *Эрэгэр ханһам-такан эди ичукэттэ, унмай-да ичукэһрэли (гасчимаган бэй)*. 'Не показывай все время ладони, показывай иногда и тыльные стороны руки (говорят любителю просить)' (Бурыкин, 2001: 185).

В языковой картине мира эвенов потеря ногтей символизирует бездетность, например: *Остай бэричэ бэй (ач хутлэ бэй)*. 'Ногти свои потерявший человек (бездетный человек)' (Бурыкин, 2001: 185).

В эвенской традиционной культуре соматизм ногти, как и волосы, зубы табуированы и нашли отражение в запретах-оберегах. В данных запретах эвенов считается грехом выбрасывать где попало остриженные волосы, ногти и выпавшие зубы.

Примеры: *Остой уһрид`и илэ-тала этэнни нодур — һинимкин. Аччоми тараһи мэндэд`инни.* `Закончив стричь ногти нельзя бросать — грех. Когда уйдешь из этого мира, будешь искать их` [ПМА]. *Остай хуссиди дюлай-нюн төрлэ энмэй нёдар — эсимэ, көкэми, тарав тавдинри.* `Закончив стричь себе ногти, их в доме нельзя бросать на пол или на землю — а то потом, когда умрешь, будешь их поднимать с земли` (Бокова, 1998: 42).

Соматическая лексика служит для образования лексических единиц, обозначающих наименования аксессуаров. Например, с помощью форманта *-пан/-пэн* образуется наименование женского украшения: *билэпэн* `браслет` *от билэн* `запястье`.

Из внутренних органов человека повышенным смысловым содержанием обладает сердце. В мировоззрении эвенов *мяван* `сердце` являетсяместилищем души. Локализацией души может служить и грудная клетка, но сердце является наиболее эмоционально выраженным органом человека и служит источником повышенной метафоризации. В языковой картине мира сердце обладает антропоморфными чертами:

сердце способно предчувствовать, почувствовать — эвен. *мявму мэддэн* — эвенк. *меванми мэдэрэн* `понял, почувствовал, догадался` (досл.: сердце мое почуяло) (Варламова, 1986: 17);

радоваться — *Мяванни өрусич тибэлэснэн* (Кривошапкин, 2018: 37). `Сердце (его) радостно забилося` (Кривошапкин, 2007: 30);

волноваться — *Мяванни тыһэндүлэн өмэн хэлки игэлкэнэч тибэлнимдэс* (Кривошапкин, 2018: 37). `Сердце от избытка чувств то замирает, то громко стучит в груди` (Кривошапкин, 2007: 30);

разорваться от испуга — *Мявму-да калтарамнан* (Кривошапкин, 2018: 144). `И сердце может разорваться` (Перевод автора);

мыслить, думать — *Агдыри тоггичинни эмэр мулган мявман кинкич дявран* (Кривошапкин, 2018: 172). `Вновь его прожгла, словно грозovým зарядом, неожиданная мысль` (Кривошапкин, 2007: 134);

разговаривать — *Аявматти дёр мяван хивкэнич укчэнмэттитэн тачин бичэдин* (Кривошапкин, 2018: 161). `Так было, наверное, оттого, что два любящих сердца говорили о многом` (Кривошапкин, 2007: 125);

таять — *Хонуачалбу итми Тормита мяванди уннөттэн* (Кривошапкин, 2018: 120). `Сердце Тормиты при виде их полнится радостью (досл.: сердце тает)` (Кривошапкин, 2007: 92);

двигаться — *мяванни амүалан эмчэ* `сильно испугался` (досл.: сердце его в рот пришло) [ПМА].

В волшебных сказках и в эпических произведениях эвенов съесть сердце или печень врага означает взять его силу себе. Мотив поедания печени и сердце врага встречается во многих эвенских фольклорных текстах.

В эвенских говорах при **нравственной оценке** людей используется сомоним *моми* `толстая кишка`: *Момин як һонаман* `очень хвастливый: досл.: кишка очень длинная (у него)` (о хвастливом человеке) (ПМА).

В устойчивых выражениях с компонентом — соматизмом *босто(л)* `почки` могут также осуждаться отрицательные качества людей: *Бостон имсэн як дыраман*. `Какие жирные у него почки (о хвастливом человеке)`.

От соматизма *ур* `живот, брюхо, брюшко` образуется наименование атрибута мужской одежды: *урэпэн* `нижняя часть мужского фартука из камуса, без украшения`.

От данного сомонима образуются слова, характеризующие внешность человека: *уратур* `толстобрюхий, толстопузый (о человеке)` от *ур* `живот, брюхо`, слово образовано при помощи форманта *-тур*.

Части телесного низа — органы мочеполовой системы и т. д. — являются табуированными в культуре многих народов. Нижняя часть тела человека используется в обрядовой

лексике: *дялан* 'сустав коленный; этногр. колено, поколение, ответвление рода', в обценной лексике, например: *эди мукэкир* «заткнись» (досл.: не пукай),

Сомоним *дэвки* 'таз' в устойчивых выражениях используется при характеристике отрицательных качеств людей: *дэвкин утун'алча* 'непоседливый (человек) (досл.: зад (его) чешется)' (ПМА).

О торопливом человеке — *Дэвкий дэрэндулэй хөкси ялбануав камутти (хэлиуэ бэй)*. 'У основания таза горячий уголь держащий (торопливый человек)' (Бурыкин, 2001: 183).

Бөдэл 'нога' является крайней нижней точкой, опорой человеческого тела. Во фразеологизмах и пословицах с соматическим компонентом нога выражаются представления и ассоциации с возрастом людей. Человек твердо стоящий на двух ногах является человеком полным сил и молодым: *Дялбу дёр бөдэлдур илатта (нөсэгчэр бэйл)*. 'Родственники мои на двух ногах стоят (родственники молодые)' (Бурыкин, 2001: 188); О пожилых людях, не способных ходить, для которых опорой могут служить и руки говорят: *Дялбу дыгэн бөдэлэлкэсэл (хагдыл — этикэн нян атикан)*. 'Мои родственники на четырех ногах (старика — муж и жена)' (Бурыкин, 2001: 189). В пословицах соматизмом нога могут быть выражены этические оценки: *Няниндула истала эди чөлэнчир*. 'Не прыгай на одной ноге, не дойдешь до неба (о хвастуне)' (Бурыкин, 2001: 178).

О человеке, который постоянно просит, употребляется фразеологизм — *Хункиды курэлдэнрэн (гасчилан бэй)*. 'На носках крутится (просящий человек)' (Бурыкин, 2001: 187). Стоять на носках символизирует человека, стоящего на земле нетвердо.

В эвенском языке довольно часто встречаются фасадные метафоры *д'улгидэй этэм бөр* 'не уступлю, не сдамся' (досл.: перед (свой) не дам)', *д'улгидэвэн гадим* 'заставлю уступить, заставлю сдаться' (досл.: перед (его) возьму)'.

Общие компоненты для тела человека, а также целостное, в основном, вертикальное описание человека (Гудков 2007: 118) представлено в устойчивых выражениях, в лексике, в запретах с компонентами-соматизмами *хунэл* 'кровь', *уута* 'кровеносный сосуд, артерия, вена', *амун Н-К* 'кость'.

По архетипическим представлениям эвенов кровь является источником жизни. В обрядовой культуре эвенов не только человеческая кровь, но и кровь животных обладает сакральным значением. Большим грехом считалось выливать кровь животных куда попало, так как это могло навлечь беды на весь род. Несоблюдение обычая могло привести к обиде Духа земли, что приведет к потере оленей, к различным несчастьям и т. д.: *Таду хунэлу самый, самый хунэлу эн'э гунэн*: «*Букалтын хунэлу кутл'эккэмэн-дэ эд'и буткир. Хунэлу вообщее оран хунэлбэн*», — *тачийн эн'э гунэн. Муту тачийн таткаттин. Тигэми хунэлу илэ-дэ эһэн нөдөрвар*. 'Про кровь оленей мать говорила: «Не выливай ни одной капли крови оленя». Нас так учила. Поэтому никогда не выливаем оленью кровь' (Шарина, Кузьмина, 2018: 136, 157).

По Д. Гудкову, М. Ковшовой: «Культурные смыслы, которые несет в себе *кровь*, могут быть условно разделены на три «поля», тесно связанных между собой: 1) *кровь* как символ жизненной энергии, 2) как символ генетической связи, 3) как носитель сильных чувств и эмоций» (Гудков, Ковшова, 2007: 198).

В языковой картине мира эвенов кровь является выразителем чувств, например, такое выражение, как *хунэлэн ховноһнон* (досл.: кровь (его) зашевелилась), — показатель состояния человека в минуту гнева 'рассердиться, обидеться'.

Сомоним *уута* 'кровеносный сосуд, артерия, вена' в эпических произведениях, в волшебных сказках эвенов может функционировать в ландшафтной лексике: *уутаг* 'кровеносные сосуды; фолькл. дельта реки' (Роббек, 2004).

Проявлением неуважения и бескультурья считалось делать замечания, открыто говорить человеку о его нравственных недостатках, давать человеку прямые указания. Все эти просьбы, указания и замечания вовлекались в скрытую форму, чтобы не обидеть человека.

По отношению к любителям посидеть просто так, бездельничать употреблялось выражение с соматизмом кости: н-к — *Тигэми муту эн'э гундэн, тэгэчэлгэрэрэн болла, хилунгэрэрэн: «Эд'илдэ столла тэгэттэ. Амуноуиһ эд'и алыһ д'эпкир», — гүүнэн.* 'Поэтому нам мама (наша) говорила, когда мы долго чаевничали: «Не сидите за столом. Не ешьте (обгладывайте) слишком кости»' (Шарина, Кузьмина, 2018: 135, 157).

Одной из древних форм народного календаря эвенов является исчисление времени по частям человеческого тела и по природно-хозяйственному принципу. Согласно календарю, год начинался в июне-июле и делился на двенадцать месяцев. Наименования месяцев были производны от названия частей человеческого тела: июль — *дюгани хэ* 'макушка лета', август — *ойчири чордакич* 'подымающиеся суставы пальцев', сентябрь — *ойчири унма* 'подымающаяся тыльная часть руки', октябрь — *ойчири билэн* 'подымающееся запястье', ноябрь — *ойчири ечэн* 'подымающийся локоть', декабрь — *ойчири мир* 'подымающееся плечо', январь — *тугэни хэ* 'темя головы', февраль — *эври мир* («спускающееся плечо»), март — *эври ечэн* (спускающийся локоть), апрель — *эври билэн* 'спускающееся запястье', май — *эври унма* 'спускающаяся тыльная поверхность кисти руки', июнь — *эври чордакич* 'спускающиеся суставы пальцев'. Порядок счета носил восходяще-нисходящий характер, вызывая образ солнечного часового круга (Туголуков, 1997: 126–127).

Таким образом, соматический код в языковой картине мира эвенов является универсальным кодом культуры. Семантика эвенских паремий и фразеологизмов с соматическим компонентом наполнена этнокультурной спецификой и, обладая дополнительным коннотативным значением, является носителем культурной информации. Сакральность таких частей тела, как *нюрит* 'волосы' и *оста* 'ногти', ярко выражена в *төнүэкич* 'запретах-оберегах' эвенов, устойчиво сохраняющих свою воспитательную функцию в культуре эвенов. Активным источником метафоризации выступают *дил* 'голова' и части лица. Особым смысловым содержанием наполнены названия таких внутренних органов человека, как *мэван* 'сердце' и *хакан* 'печень', ассоциирующиеся с *ханин* 'душой'. Части телесного низа, обладая сакральным значением, используются в устойчивых выражениях и в метафорах, с отрицательной коннотацией.

Используемые сокращения:

Досл. — дословный; **лам.** — ламунхинский; **н-к** — нижнеколымский; **с.** — саккырырский; **ПМА** — полевые материалы автора; **эвен.** — эвенский; **эвенк.** — эвенкийский.

Литература:

- Бокова Е. Н.** Эвен ханинни. Душа эвена. Якутск: Бичик, 1998. 95 с.
- Бурькин А. А.** Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб: «Петербургское Востоковедение», 2001. 288 с.
- Варламова Г. И.** Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с.
- Василевич Г. М.** Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Дуткин Х. И.** Эвенский фольклор. Якутск: Издательство ЯГУ, 1996. 66 с.
- Едукин Е. В.** Обычаи и запреты-обереги эвенов Аллаиховской тундры // Айвэрэттэ. Анадырь, 1992. Вып. 8. С. 43–44
- История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки** / авт.-сост. В. А.Туголуков, В. А. Тураев, Б. А. Спесивовский, Н. В. Кочешков [и др.]. СПб: Наука, 1997. 180 с.
- Канюкова У. В.** Ынукэр, гэмкэр-дэ: Эвенские загадки и пословицы. СПб: Издательство писателей «Дума», 2013. 42 с.
- Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Кузьмина Р. П., Шарина С. И.** Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с.

- Кривошапкин А. В.** Охотник Тормита: повесть в рассказах. Якутск: Бичик, 2007. 160 с.
- Кривошапкин А. В.** Тормита буюсэмэ. Якутск: Бичик, 2018. 208 с.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
- Маслова В. А., Пименова М. В.** Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.
- Полевые материалы автора** — ПМ Кузьминой Р. П. 2005 г. — местность Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия).
- Роббек В. А., Роббек М. Е.** Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь** / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Том I. А–Г. С. 88–575.
- Шарина С. И., Кузьмина Р. П.** Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 184 с.

Кузьмина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, д. 1, г. Якутск, республика Саха (Якутия), 677027.

E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 июня 2020 г.

R. P. Kuzmina

SOMATIC CODE IN A LINGUISTIC CULTURE OF EVENS

This article examines the somatic code of culture, which is one of the important and universal codes in the linguoculture of the Evens, reflecting the perception of the world of the Even ethnos. The bilingual dictionaries, folklore and artworks of Even, and the author's field materials collected during expedition trips to the small residency of the Evens were used for data of the article. The specificity of the verbalization of somonyms in the Even paremias and phraseological expressions was revealed. The semantic features of metaphors with elements of somatisms in the Even language are determined. Anatomical vocabulary, participating in the creation of figurative meanings, associations and possessing symbolic functions, reflects the archetypal visions and thinking of the people. Somatisms are reflected in spatial vocabulary, landscape vocabulary, ritual culture, idioms, metaphors, proverbs and sayings of the Evens. In the Even linguistic culture the sacredness of some parts of body was reflected in prohibitions-amulets. Semantization and meaning of the somatic code of culture is universal and has parallels in the vision of the world of other folks.

Keywords: *Even language, somatic code, linguoculture, component, metaphor, phraseological unit.*

References:

- Bokova E. N.** Even haninni. Dusha evena [Even hanini. The soul of even]. Yakutsk: Bichik, 1998. 95 p. (in Russ.)
- Burykin A. A.** Malye zhanry evenskogo folklora. Zagadki, poslovitsy i pogovorki, zaprety-oberegi, obychai i predpisania, primety (issledovanie i teksty) [Small genres of the Even folklore. Riddle, proverbs and sayings, prohibitions, customs and provisions, omens (research and texts). Saint-Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2001. 288 p. (in Russ.)
- Varlamova G. I.** Mirovozzrenie evenkov: Otrazhenie v folklоре. [The worldview of the Evenks: Reflection in folklore]. Novosibirsk: Nauka, 2004, 185 p. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.). [Evenks: Historical and ethnographic essays (XVIII — beginning of XX century)]. L.: Nauka. 1969. 304 p. (in Russ.)
- Dutkin H. I.** Evenskii floklор. [Even folklore]. Yakutsk: Publ. YAGU, 1996. 66 p. (in Russ.)
- Edukin E. V.** Obychai i zaprety-oberegi evenov Allaikhovskoi tundry // Aivarete. [Customs and prohibition amulets of Allaikhovsky tundra Evens / Aivarete]. Anadyr, 1992. Issue 8. 43–44 p. (in Russ.)

- Tugolukov V. A., Turaev V. A., Spivakovsky B. A., Kocheshkova N. V.** Istoria i kultura evenov: Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the evens: Historical and ethnographic essays]. Saint Petersburg: Nauka, 1997. 180 p. (in Russ.)
- Kanyukova U. V.** Nenuker, gomker-de: Evenskie zagadki i poslovitsy. [Nenuker, gomker-de: Even riddles and proverbs]. Saint Petersburg: publishing house of writers "Duma", 2013. 42 p. (in Russ.)
- Krasnykh V. V.** Etnopsikholingvistika i lingvokulturologia: Kurs lekcii. [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. M.: ITDGC "Gnosis", 2002. 284 p. (in Russ.)
- Kuzmina R. P., Sharina S. I.** Osobennosti iazyka verkhnekolymskikh evenov. [Language features of the Upper Kolyma Evens]. Novosibirsk: Nauka, 2019. 116 p. (in Russ.)
- Krivoshapkin A. V.** Okhotnik Tormita: povest v rasskazakh. [Hunter Tormita: a novel in stories]. Yakutsk: Bichik, 2007. 160 p.
- Krivoshapkin A. V.** Tormita buiusemne. [Tormita buiusemne]. Yakutsk: Bichik, 2018. 208 p. (in Russ.)
- Maslova V. A.** Lingvokulturologia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 4-e izd., ster. [Cultural linguistics: student training manual of higher educational establishment. 4th ed., ster]. M.: Publishing center "Academia", 2010. 208 p. (in Russ.)
- Maslova V. A., Pimenova M. V.** Kody lingvokultury: uchebnoe posobie. [Linguistic culture codes: studies manual]. M: FLINTA: Nauka, 2016. 180 p. (in Russ.)
- Author's field materials** Kuzmina R. P. 2005 — the area Endybal Lamunkhinsky nasleg of the Republic of Sakha (Yakutia).
- Robbek V. A., Robbek M. E.** Even-Russian dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2004. 356 p.
- Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar.** [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: International relations, 1995. Volume I. A–G. P. 88–575.
- Sharina S. I., Kuzmina R. P.** Nizhnekolymckii govor evenskogo iazyka. [Nizhnekolymsky sub-dialect of Even language]. Novosibirsk: Publishing house SO RAN., 2018. 184 p. (in Russ.)

Kuzmina Raisa Petrovna, candidate of philology, senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

1 Petrovsky st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru